

Однако горечь и тоска, которые клокотали в его сердце, не поддавались контролю, заставляя глаза Е Цзинжуна наполняться слезами, а перед взором — туманиться необъяснимой влажной пеленой.

Он любил князя Чэна уже много лет, с тех пор, как в тринадцать лет впервые позналась любовь, до двадцати, когда он стал его супругом, и до нынешних двадцати трех, когда его желание так и не исполнилось.

Даже зная, что с его репутацией князь Чэн не потерпит мужчину рядом с собой, он все же пошел на риск, не оставив себе путей к отступлению.

Даже сейчас, когда все уже произошло, он не мог смириться, но что он мог поделать? В свое время он сам себя загнал в клетку, связал по рукам и ногам, и теперь, кроме как ждать, что тот человек бросит на него милостивый взгляд, он ничего не мог сделать!

Сколько ночей и дней его надежды рушились одна за другой, а сегодня, после того как князь добился своего и обрел красавицу, он, вероятно, и вовсе забудет, что в боковом дворе резиденции князя Чэна живет Е Цзинжун!

Слеза, стекающая по углу глаза, непроизвольно скользнула по его худому подбородку, упала на тонкое запястье и капнула на горячую мякоть тыквы. Е Цзинжун поднял руку, поднес к губам еще дымящуюся печеную тыкву и осторожно откусил.

Уже не помнил, сколько дней он не ел ничего горячего, но, возможно, из-за слез тыква показалась ему невыносимо горькой, и сколько бы он ни старался жевать, проглотить ее было мучительно трудно.

Опустив руку в отчаянии, подавленные годами эмоции наконец вырвались наружу. Е Цзинжун подтянул ноги, спрятал лицо между коленями и беззвучно зарыдал, издали выглядя так, будто просто уснул.

Увидев это, Ецзы больше не смог есть свою печеную тыкву. С покрасневшими глазами он, спотыкаясь, выбежал из комнаты.

Спрятавшись за углом, он прикрыл рот маленькой рукой и громко зарыдал.

— Господин, господин, как же тяжела судьба моего господина!

Мин Янь мчался на коне, даже въехав в резиденцию князя Чэна, он не спешил, а продолжал скакать на Учэне, следуя смутным воспоминаниям, пока не оказался в этом уединенном боковом дворе.

Резко натянув поводья, он заставил Учэня встать на дыбы, после чего конь остановился, беспорядочно переступая копытами.

Мин Янь тут же спрыгнул с коня и быстрыми шагами направился к боковому зданию. Этот заброшенный двор даже не имел ворот, лишь несколько разбросанных камней, которые в любой момент могли рассыпаться.

Небольшой деревянный домик вдалеке, с еле держащимся на раме окном, — как в такую позднюю осень, в такой разрухе, можно было согреться?

Чем больше он смотрел, тем сильнее его сердце сжималось от боли, и шаги его ускорились,

словно он жаждал как можно скорее увидеть своего Жунъэра. С этого дня он больше не позволит ему терпеть ни капли страданий!

Ецзы, рыдавший в углу, почувствовал, как мимо пронесся резкий порыв ветра. Подняв голову, он сквозь слезы увидел высокого мужчину в доспехах, который, не обращая ни на кого внимания, вошел в комнату господина.

Неужели это вновь злобная госпожа Сюэ прислала кого-то, чтобы мучить господина?

Ецзы тут же перестал плакать, резко вскочил на ноги, смахнул слезы и, словно маленький волчонок, защищающий хозяина, оскалил зубы, последовал за Мин Янем в дом.

Он решил: кто бы это ни был, если он посмеет обидеть господина, Сяо Ецзы будет драться с ним насмерть.

Однако, войдя в комнату и увидев спину мужчины, Ецзы застыл в оцепенении, словно каменный, даже не вспомнив, что нужно встать на колени и приветствовать.

Белые доспехи, плащ на плечах... это... это князь Чэн?

Мин Янь даже не заметил Ецзы позади себя, а если и заметил, то не придал этому значения. Все его внимание было сосредоточено на человеке, который, свернувшись калачиком на жесткой кровати, тихо всхлипывал.

Он открыл рот, но слово «Жунъэр» застряло в горле, и он не смог его произнести, чувствуя себя недостойным.

Мин Янь смотрел мрачным взглядом, крепко сжал кулаки, затем стиснул зубы, словно приняв твердое решение.

Тихо подойдя к кровати Е Цзинжуна, он откинул плащ и, не колеблясь, опустился на одно колено. Холодные доспехи ударились о твердый пол, издав резкий звон.

Мин Янь за свою жизнь преклонял колени перед Небом и Землей, перед родителями, а перед смертью в прошлой жизни — перед братьями.

Но кроме них, Е Цзинжун был единственным, перед кем Мин Янь считал, что должен преклонить колени и попросить прощения.

Ецзы, стоявший позади Мин Яня, увидев это, широко раскрыл глаза от изумления, и его челюсть чуть не отвалилась.

В следующий момент он, не сдерживаясь, упал на пол, сжавшись всем телом, и дрожащим голосом произнес:

— Приветствую... приветствую князя Чэна! Ваш слуга не смог встретить вас должным образом, прошу прощения!

Эти слова были не только извинением, но и попыткой напомнить Е Цзинжуну, который все еще лежал на кровати, погруженный в свои печали.

«Господин, господин, подними голову! Князь Чэн пришел, человек, о котором ты так мечтал, он действительно здесь, живой, живой!»

Ецзы чуть не закричал, но, хотя он каждый день втайне ругал Мин Яня, теперь, столкнувшись лицом к лицу с князем, пропитанным кровью, он боялся даже дышать!

Услышав извинения Ецзы, худощавое тело Е Цзинжуна резко вздрогнуло, и он тут же поднял голову, даже не разобравшись в ситуации, и попытался спуститься с кровати.

— Где? Ецзы, где князь? Не смей шутить так, ты же знаешь, я не вынесу такой шутки, не вынесу!

Он не выдержит такой шутки, если князя нет, как он сможет смотреть на себя, такого жалкого?

Его тонкая лодыжка еще не успела коснуться холодного пола, как Мин Янь молниеносно схватил ее. Его ступня, хоть и не такая миниатюрная, как у женщины, была белоснежной, даже волоски едва заметны.

Мин Янь с трудом оторвался, но, боясь, что его грубое поведение обидит красавицу, подавил свои желания и аккуратно уложил ногу Е Цзинжуна обратно на кровать.

Подняв голову, он устремил глубокий взгляд на худощавую фигуру на кровати и горько произнес:

— Жунъэр, я здесь.

На обратном пути Мин Янь уже все обдумал — как бы то ни было, он должен добиться прощения Цзинжуна. Пусть бьет, пусть ругает, он готов принять наказание.

Но слово «Жунъэр» полностью ошеломило Е Цзинжуна. Он застыл на месте, уставившись на человека перед собой, даже забыв о самых элементарных правилах этикета для мужа-жены.

«Жун... Жунъэр? Это он? Неужели... Неужели это галлюцинация из-за горя? Как это возможно? Тот, кто бросил его в боковом дворе на три года, не обращая внимания, сейчас нежно называет его Жунъэром?»

— Князь... князь? Это правда ты? Ты... ты не ошибся? Я... я Е Цзинжун! Тот, кого ты отверг!

Его слова были прерывистыми, и Е Цзинжун отчаянно хотел верить, что это слово «Жунъэр» действительно обращено к нему. Но после самообмана как он сможет смотреть в лицо жестокой реальности?

Услышав это, Мин Янь почувствовал острую боль. Это была его жена, тот самый муж-жена, который решительно разбил голову о стелу славы и погиб ради него!

В этом мире только глубокие чувства нельзя предавать, а он, неверный и бессердечный любовник, в конечном итоге предал глубокоую любовь Жунъэра!

По-прежнему стоя на одном колене, Мин Янь сделал шаг вперед, положил свои слегка грубые руки на согнутые ноги Е Цзинжуна и серьезно, торжественно произнес:

— 300 000 элитных солдат Армии Алого Пламени разгромили миллионную армию племени Нюйчжэнь и теперь возвращаются с победой, чтобы их жена могла их осмотреть!

Эти громкие и уверенные слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Услышав это, Е Цзинжун сразу же наполнился слезами, его губы дрожали, и только сейчас он осознал, что все это не было его мечтой или галлюцинацией.

— Князь, ты... встань, это... это неправильно, это не по этикету! — Е Цзинжун попытался спуститься с кровати, но Мин Янь крепко удержал его.

Увидев растерянную фигуру на кровати, Мин Янь пожалел о прошлом.

<http://bllate.org/book/16632/1523385>